

Балановская Е.В.¹⁾, Богунов Ю.В.¹⁾, Богунова А.А.¹⁾, Каменщикова Е.Н.^{2,1)},
Пылёв В.Ю.¹⁾, Бычковская Л.С.¹⁾, Балановский О.П.^{3,1)},
Лавряшина М.Б.^{4,1)}

¹⁾ ФГБНУ «Медико-генетический научный центр им. академика Н.П. Бочкова»,
ул. Москворечье, д. 1, Москва, 115522, Россия;

²⁾ ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет»,
ул. Кирова, д. 17, корп. 2, Комсомольск-на-Амуре, 681000, Россия;

³⁾ ФГБУН «Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН»,
ул. Губкина, д. 3, ГСП-1, Москва, 119991, Россия;

⁴⁾ ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет»,
ул. Ворошилова, д. 22А, Кемерово, 650056, Россия

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КОРЯКОВ СЕВЕРА КАМЧАТКИ

Материалы и методы. Проведен анализ демографической структуры популяции коряков на стыке ареалов коренных малочисленных народов – коряков, чукчей и эвенов. Демографические показатели коряков (пол, возраст, состав семьи, тип браков) для трех сел Олюторского района Камчатского края рассчитаны на основе книг похозяйственного учета населения (на 2018 г.). Среди 2614 жителей трех сел преобладают представители коренных народов Дальнего Востока: 27% чукчи, 21% коряки, 10% эвены. Пришлое население представлено преимущественно русскими (37%).

Результаты. Средний возраст коряков северо-востока Камчатки (31 год) незначительно выше, чем для коряков в целом (29 лет), в то время как для чукчей и эвенов отличие от среднего возраста основной части их этносов достигает 8–10 лет. Резкий дисбаланс в соотношении полов у коряков формируется за счет убыли мужчин, начиная с возрастной когорты 35–40 лет: в возрастной когорте старше 35 лет женщин в два раза больше, чем мужчин (СП=0,45), тогда как до 35 лет соотношение полов равное (СП=1,02). Для коряков характерен суженный тип воспроизводства: средняя возрастная группа составляет две трети; в возрасте до 60 лет умирает 92% коряков. По данным переписей младшая возрастная группа неуклонно убывает от 40% в 1979 году до 28% в 2010 году; в обследованных нами селах она еще ниже (23%). Важной тенденцией является резкое преобладание у коряков севера Камчатки межэтнических браков (84%), из которых основная часть заключается с пришлым населением, причем большинство детей от межэтнических браков записываются как коряки.

Заключение. Совместное действие обоих факторов – резкого преобладания межэтнических браков и записи детей от них как коряков – приводит к тому, что генофонд коряков северо-востока Камчатки утрачивает черты исходного коряцкого генофонда и насыщается генами как пришлое славянское население, так и чукчей и эвенов. Детальное сравнение с другой окраинной популяцией (коряков Магаданской области) обнаруживает аналогичную ситуацию утраты древних генофондов на периферии этнического ареала.

Ключевые слова: демография; коряки; эвены; чукчи; Камчатка; брачная структура

Введение

Север Камчатского края, соединяя Камчатку с материком, всегда служил местом встречи миграционных потоков. Из ныне известных этнических групп Дальнего Востока его издавна населяли именно коряки, близкие к ним алюторцы (их этноним сохранился в названии Олюторского района) и кереки (ныне ассимилированные чукчами). Остальные народы севера края появились здесь относительно недавно – чукчи в XVIII веке, эвены на северо-востоке Камчатки обосновались лишь в XX веке (см. подробнее [Балановская с соавт., 2020]). В обследованных нами трех селах северо-востока Камчатки (Ачайваям, Тиличики, Хаилино Олюторского района Камчатского края) все три этноса проживают совместно. Поскольку в селах Ачайваям и Хаилино ныне численно преобладают чукчи, то демографическая характеристика чукчей дана нами именно для этих двух сел в отдельной статье [Балановская с соавт., 2020]. Однако все три села входят в древний этнический ареал коряков и представляют осколки их единой популяции – и ныне браки заключаются между представителями всех трех сел. Поэтому в данной статье мы описываем демографическую ситуацию у коряков суммарно для всех трех сел, указывая в тексте на своеобразие каждого из них.

Язык коряков входит в чукотско-камчатскую лингвистическую семью, в которую кроме коряков и чукчей включают алюторский и керекский языки, а также иногда ительменский язык, указывая, что он очень рано отделился от остальных языков этой семьи. Для коряков традиционно деление на два субэтноса – тундровых и береговых, причем у береговых коряков исконным языком был алюторский, а не собственно корякский. Береговые коряки, называющие себя «нымыланами», вели оседлый образ жизни, поскольку их преобладающий хозяйственно-культурный тип определялся рыболовством. По ареалу они подразделялись на три группы: «алюторцы», «карагинцы», «паланцы». Тундровые коряки называют себя «чавчувены», то есть «оленоводы». Они вели кочевой образ жизни, определяемый необходимыми миграциями при разведении оленей в тундре, и подразделялись по основному ареалу на четыре группы: «паренцы», «каменцы», «апукинцы», «итканцы». Сейчас память о делении коряков на субэтнические группы почти стерлась – немногие называют себя нымыланами или чавчувенами, при этом однозначно относя себя к корякам.

Компактный ареал коряков ранее (1930–2007 гг.) был выделен в Корякский автономный округ (рис. 1),

Рисунок 1. Расположение периферийных популяций коряков севера Камчатки и Магаданской области
Figure 1. Location of the peripheral populations of Koryak in the Northern Kamchatka and the Magadan region

включавший Карагинский, Олюторский, Пенжинский и Тигильский районы, которые с 2007 года вошли в состав Камчатского края. По данным переписей 1926–2010 гг. общая численность коряков в России колебалась от 6 до 9 тысяч человек. По данным переписи 2010 г. из 7953 коряков 6640 человек проживало на Камчатке, 900 коряков в Магаданской области (с компактным проживанием в Северо-Эвенском районе) и 69 коряков на Чукотке. Среди 14 368 представителей коренных малочисленных народов севера (далее КМНС), зарегистрированных на Камчатке переписью 2010 года, почти половину составляли коряки. Численность каждого из остальных этносов намного меньше, причем из них лишь эвены в определенной мере сохранили свой исходный генофонд. Остальные народы – алеуты, ительмены, камчадалы, чукчи, эскимосы – по результатам наших экспедиционных обследований (2017–2019 гг.) ныне столь интенсивно заключают браки с другими ко-

ренными этносами и пришлым населением, что отыскать таких представителей, у которых оба деда и обе бабушки относили бы себя к одному и тому же коренному этносу, становится сложной задачей. В обследованном нами ареале Олюторского района Камчатского края основным населением на рубеже XIX и XX веков были именно коряки (архивная справка Администрации Корякского автономного округа). Лишь в XX веке чукчи и эвены фиксируются в обследуемом ареале переписями, а контакты с пришлым славянским населением до середины XX века были здесь редким событием (см. подробнее [Балановская с соавт., 2020]). Поэтому можно ожидать, что исходная точка смешения коряков с другими народами – как с пришлыми, так и КМНС – относительно недавняя и приходится лишь на XX век.

Задача данной работы – обрисовать демографический портрет периферийной северо-восточной популяции коряков, которая является наследницей генофонда нымыланов-алюторцев. Их сравнение с известным из литературы демографическим портретом магаданской популяции коряков позволит оценить особенности демографической ситуации на периферии этнического ареала коряков и создаст основу для моделирования динамики нескольких коренных этносов на стыке их ареалов в условиях демографического давления пришлого населения.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили деперсонифицированные записи книг похозяйственного учета населения по состоянию на ноябрь 2018 года и дополненные информацией по декабрь 2018 г., полученной от администраций сел Ачайваям, Тиличики, Хаилино Олюторского района Камчатского края, расположенных на среднем расстоянии 174 км друг от друга (рис. 1). Данные о 2614 представителях коренных народов Севера (коряков, чукчей, эвенов) и пришлого населения (в основном русских) внесены А.А. Богуновой в компьютерную базу данных (пол, возраст, состав семьи, тип браков и т. д.), затем с помощью стандартных методов программ STATISTICA 8.0 (StatSoft) и SPSS М.Б. Лаврашиной и А.А. Богуновой рассчитаны показатели этнической, половозрастной и брачной структуры.

При анализе брачной структуры в качестве «браков» используются семьи, указанные в похозяйственных книгах, а не записи ЗАГСов. При этом учтены и брачные пары, уже вышедшие из ре-

продуктивного возраста; при оценке межэтнических браков одна и та же брачная пара учитывалась в структуре браков обоих коренных народов дважды, при моноэтнических браках – один раз; при анализе потомков от браков учитывались все брачные пары и все потомки, независимо от их возраста. Границы фертильных классов указаны с учетом неравенства периодов репродукции и средней протяженности физиологического репродуктивного периода у коренных малочисленных народов Севера: дорепродуктивный – до 18 лет, пострепродуктивный – у мужчин и женщин от 55 и 45 лет соответственно.

Результаты и обсуждение

Этническая и половозрастная структура

В соответствии с данными Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Камчатскому краю население Олюторского района в целом на начало 2018 года составляло 3882 человека, из которых больше половины (59%) приходилось на коренное население. В этническом составе обследованных нами сел Ачайваям, Хаилино, Тиличики Олюторского района также преобладают коренные народы Дальнего Востока (58% от суммарной численности трех сел): 27% чукчи, 21% коряки, 10% эвены (табл. 1). Из пришлых народов большинство представлено русскими (37%), а остальные этносы суммарно составляют менее 5% (табл. 1). В двух селах преобладают чукчи (составляя в Ачайваяме 70% населения, в Хаилино 37%, в Тиличиках 5%), поэтому демографическая ситуация у чукчей была рассмотрена на примере сел Ачайваям и Хаилино [Балановская с соавт., 2020]. Третье село – Тиличики – наиболее многочисленное: оно является районным центром Олюторского района и по численности (1355 чел.) больше других двух сел вместе взятых (1259 чел.). Это «корякское» село, так как коряки в нем составляют три четверти коренного населения (коряки 75%, чукчи 16%, эвены 9%). Однако доля пришлого (в основном русского) населения в Тиличиках очень велика: она составляет более двух третей населения (68%), тогда как в двух других селах прошлое население малочисленно – лишь 13–14% (табл. 1). Основная часть (57%) коряков проживает в Тиличиках, но их круг брачных связей включает и Хаилино (41% от всех коряков трех сел), и Ачайваям, где коряков совсем немного (всего 2% от всех коряков трех сел).

Таблица 1. Этнический состав трех сел Олюторского района Камчатского края
Table 1. Ethnic composition of the three settlements from Olyutor district of Kamchatka

Этнос	Ачайваям, Тиличики, Хаилино		Ачайваям		Хаилино		Тиличики	
	N_t	% N_{SUM}	N_t	% N_{SUM}	N_t	% N_{SUM}	N_t	% N_{SUM}
<i>Коренные малочисленные народы севера</i>								
Коряки	562	21,5	13	2,6	228	30,2	321	23,7
Эвены	262	10,0	69	13,7	154	20,4	39	2,9
Чукчи	695	26,6	351	69,8	277	36,6	67	4,9
N_{KMHC} – суммарно КМНС	1519	100%*	433	29%*	659	43%*	427	28%*
<i>Пришлое население</i>								
Русские	978	37,4	42	8,3	85	11,2	851	62,8
Украинцы	36	1,4	6	1,2	8	1,1	22	1,6
Корейцы	18	0,7	0	0	1	0,1	17	1,3
Татары	11	0,4	3	0,6	0	0	8	0,6
Другие	52	2,0	19	3,8	3	0,4	30	2,2
N_{SUM} – суммарно население	2614	100%**	503	19%**	756	29%**	1355	52%**

Примечания. * – Доля в суммарной группе только коренных малочисленных народов Севера трех сел ($N_{KMHC}=1519$ чел.). ** – Доля в суммарной группе коренного и пришлого населения трех сел ($N_{SUM}=2614$ чел.)

Notes. * – The percentage in the pooled group of only indigenous individuals from the three settlements ($N_{KMHC} = 1519$). ** – The percentage in the pooled group of indigenous and non-indigenous individuals from the three settlements ($N_{SUM}=2614$ чел.).

Средний возраст коряков северо-востока Камчатки (31,1 год) оказался ненамного, хотя и достоверно, выше среднего возраста всех коряков согласно переписи 2010 года (28,7 лет), причем различия возникают за счет мужской когорты (табл. 2). У эвенов, проживающих в таких же условиях этнической периферии, что и коряки, отличия от общеэтнического показателя намного существенней: их средний возраст на северо-востоке Камчатки на 10 лет выше, чем для этноса эвенов в целом. У чукчей данной популяции эти различия также очень велики: их средний возраст на 8 лет выше, чем для этноса чукчей в целом [Балановская с соавт., 2020]. Таким образом, общая тенденция увеличения среднего возраста на периферии этнических ареалов наименее выражена у коряков. Однако размах гендерных различий по среднему возрасту именно у коряков (7 лет) значительно больше, чем для их этноса в целом (2,6 лет).

По данным переписи 2010 г. [Всероссийская перепись ...] соотношение полов (СП=М/Ж) у коряков России характеризуется небольшим преобладанием женщин (СП=0,92), которое особенно ярко выражено у городской части коряков

(СП_{ГОРОД}=0,80; СП_{СЕЛО}=0,98). Это связано с явлением «гендерного сдвига» [Povogoznyuk et al., 2010], зафиксированным для КМНС в середине XX века. Он возникает из-за того, что женщины КМНС более активно, чем мужчины, переезжают из тундры и тайги в поселки и города, что приводит к гендерному разделению пространства [Liarskaya, 2010]. Например, для коряков Северо-Эвенского района Магаданской области выявлена ярко выраженная «лестница урбанизации», ступени которой образуются за счет резкого возрастания удельного веса женщин при переходе от кочевий к городу: в тундре СП=3,1; в селах СП=1,1; в районном центре СП=0,6; в городе – 0,4 [Хаховская, 2016]. В обследованной нами популяции коряков северо-востока Камчатки, включающей и районный центр, и села, соотношение полов (СП=0,77) вполне укладывается в тенденцию, выявленную у магаданских коряков. Однако динамика соотношения полов по фертильным классам (табл. 2) противоречит этой тенденции: в репродуктивной когорте коряков Камчатки соотношение полов практически равное (СП=0,97, табл. 2). Причем в репродуктивной когорте коряков в селах Камчатки СП=0,84 (что близко к показателям

Таблица 2. Половозрастная структура коряков и эвенов трех сел Олюторского района Камчатского края в сравнении с данными переписи 2010 г. для этносов в целом

Table 2. The population size and average age for both sexes in Koryak and Even populations of the three settlements from Olyutor district of Kamchatka as compared with the total ethnic population size from census 2010

Группа населения	Численность	Пределы варьирования возраста	Средний возраст	Средний возраст для этноса по данным переписи 2010 г.
Коряки, в целом	562	0–95	31,1±0,79	28,7
мужчины	244	0–77	27,3±1,1	27,4
женщины	318	0–95	34,3±1,1	30,0
Эвены, в целом	262	0–94	35,0±1,2	25,4
мужчины	134	0–94	32,9±1,6	23,2
женщины	128	0–89	37,3±1,9	27,3

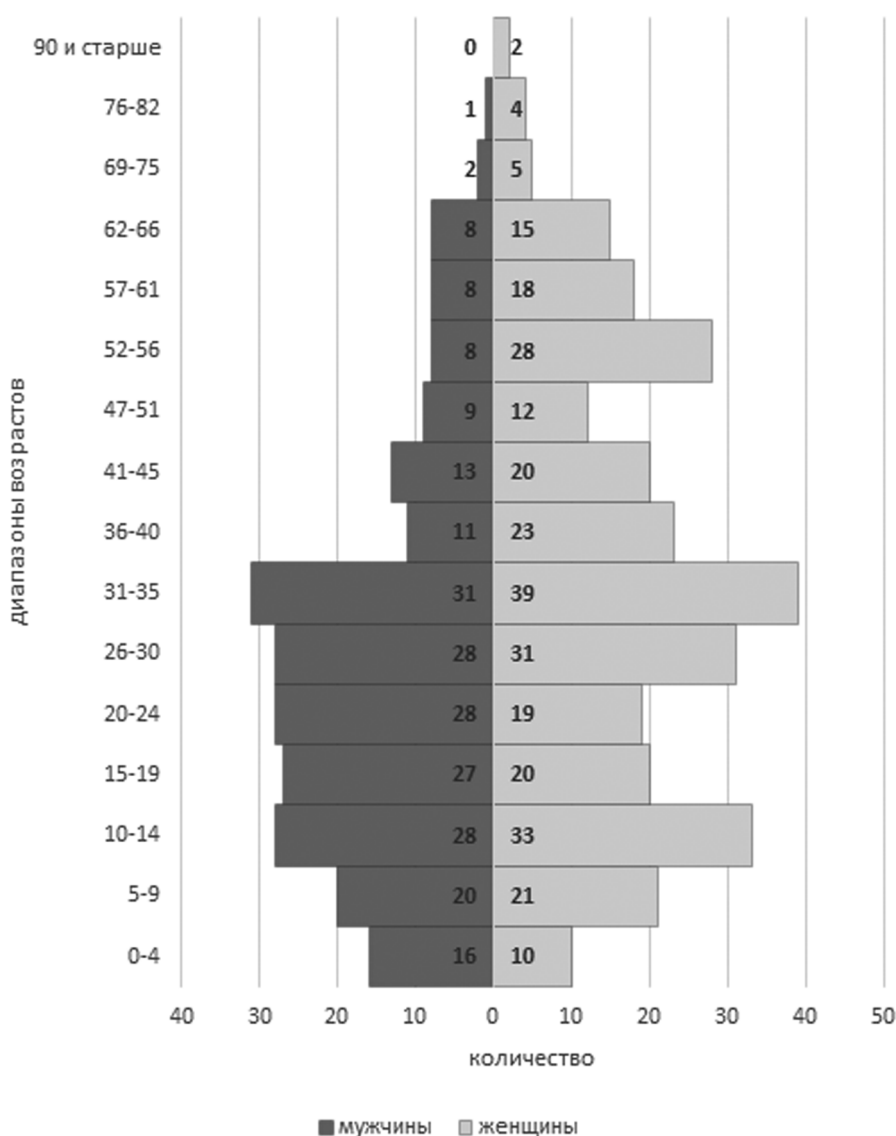

Рисунок 2. Половозрастная пирамида коряков трех сел Олюторского района Камчатского края
Figure 2. The population pyramid of Koryaks of the three settlements from Olyutor district of Kamchatka

Таблица 3. Фертильные классы и соотношение полов у коряков и эвенов трех сел Олюторского района Камчатского края**Table 3. The fertile age groups and sex ratio in Koryak and Even populations of the three settlements from Olyutor district of Kamchatka**

Этнос	Соотношение полов СП=М/Ж	Фертильные классы		
		Дорепродуктивный 0–17 лет	Репродуктивный 18 лет ≤ М ≤ 55 лет 18 лет ≤ Ж ≤ 45 лет	Пострепродуктивный М > 55 лет Ж > 45 лет
Коряки	СП=0,77	27,6% СП=1,01	51,6% СП=0,97	20,8% СП=0,24
Эвены	СП=1,05	22,5% СП=1,03	51,5% СП=1,81	26,0% СП=0,33

магаданских коряков, где в группе трудоспособного населения СП=0,87), а в репродуктивной когорте районного центра Камчатки (Тилички) соотношение полов возрастает (СП=1,07), в то время как ожидается обратная тенденция: падения, а не роста показателя СП при переходе от сел к районным центрам. Снижение среднего соотношения полов на севере Камчатки до СП=0,77 возникает за счет пострепродуктивной когорты (где СП=0,24). То, что в этой когорте мужчин в 4 раза меньше, чем женщин, можно связать с высокой смертностью мужчин, которая также экранирует «гендерный сдвиг» в репродуктивной когорте, поскольку соотношение полов резко меняется в возрасте 35–40 лет (рис. 2). Если в возрасте старше 35 лет находятся 44% женщин, то мужчин старше 35 лет лишь 25%. В возрастной когорте старше 35 лет женщин в два раза больше, чем мужчин (СП=0,45), тогда как до 35 лет соотношение полов равное (СП=1,02).

Смертность среди коряков высока и имеет тенденцию к росту: за десятилетие 1990–2000 гг. в Корьякском округе общая смертность выросла с 8,7 до 13,9% [Тураев, 2019]. Она высока даже в раннем возрасте: если у русского населения региона в этот период она составляла 29%, то у коряков и чукчей в два раза выше – 52% [Тураев, 2019]. У коряков соседнего Пенжинского района Камчатки (рис. 1) младенческая смертность в 2000–2009 гг. составляла 40%, общая смертность при этом была в 1,5 раза выше рождаемости и составляла 20–25% [Краснослободцев, 2009. Электронный ресурс]. В эти годы показатель смертности у коряков в возрасте 15–29 лет в Пенжинском районе Камчатки соответствовал среднероссийскому уровню смертности для предпенсионного возраста (45–60 лет), а в развитых странах мира – смертности населения в возрасте 60–69 лет. При этом до 40% смертей коряков приходилось на группу внешних причин (в основном

убийства, самоубийства, утопления, удушения, алкогольные отравления) и 5% на паразитические и инфекционные заболевания. И если у коряков на эти две группы причин смертности приходилось 45% смертей, то в населении России в целом – 13% смертей, а в развитых странах мира – 7%. Максимум смертности от внешних причин в Пенжинском районе приходился на возраст 35–40 лет. Половозрастная пирамида коряков Олюторского района также фиксирует резкое уменьшение численности мужчин именно в этот критический период 36–40 лет (рис. 2).

Продолжительность жизни у коряков Пенжинского района составляла в 2000–2009 годах у мужчин 42–44 года, у женщин 45–47 лет. Однако в конце советской эпохи этот показатель был значительно выше – 54 года у мужчин и 65 лет у женщин, то есть снижение продолжительности жизни за 20 лет составило 12 лет у мужчин и 20 лет у женщин [Краснослободцев, 2009. Электронный ресурс]. Если в целом по России в возрасте до 60 лет умирает 30% населения, то для КМНС России этот показатель составляет 70% [Харючи, 2013. Электронный ресурс]. У коряков этот показатель еще значительно выше – в возрасте до 60 лет у коряков Олюторского района умирает 92% населения (рис. 2), а у магаданских коряков – более 95% населения [Хаховская, 2011]. Наблюдается рост суицидов и младенческой смертности, которые для всех КМНС намного выше среднероссийских, а уровень материнской смертности у КМНС почти в 2 раза превышает среднероссийский показатель [Харючи, 2013. Электронный ресурс].

Соотношение фертильных классов (табл. 3) указывает на регрессивный (суженный) тип воспроизводства коряков и старение популяции: репродуктивная группа (женщины в возрасте от 18 до 45 лет, мужчины – от 18 до 55 лет) составляет 52%, а дорепродуктивная – 28%. По данным че-

Таблица 4. Брачная структура коренного населения трех сел Олюторского района Камчатского края
Table 4. The marriage patterns of indigenous populations of the three settlements from Olyutor district of Kamchatka

Этнос/пол	Число браков	Типы браков (% об общего числа браков)			
		Моноэтнические	Межэтнические браки		
			С пришлым населением	С коренным населением	Всего межэтнических браков
Все коренное население	183	54 (30%)	81 (44%)	48 (26%)	130 (70%)
<i>Отдельные этносы</i>					
КОРЯКИ	83	13 (16%)	40 (48%)	30 (36%)	70 (84%)
Мужчины	29		5 (6%)	11 (13%)	16 (19%)
Женщины	67		35 (42%)	19 (23%)	54 (65%)
ЭВЕНЫ	55	6 (11%)	17 (31%)	32 (58%)	49 (89%)
Мужчины	27		2 (4%)	19 (34%)	21 (38%)
Женщины	34		15 (27%)	13 (24%)	28 (51%)
ЧУКЧИ	93	35 (38%)	24 (26%)	34 (36%)	58 (62%)
Мужчины	57		3 (3%)	18 (19%)	21 (22%)
Женщины	71		21 (23%)	16 (17%)	37 (40%)

Примечания. Общее число браков N_{MARR} не равно сумме браков у мужчин и женщин из-за межэтнических браков.

Notes: The total number of marriages N_{MARR} does not equal the sum of marriages for men and women because of the inter-ethnic marriages.

тырех переписей размер младшей группы (0–14 лет) у коряков неуклонно и стремительно снижается: 1979 год – 40%, 1989 – 36%, 2002 – 33%, 2010 – 28%. В обследованных нами селах в 2018 году дети 0–14 лет составили 23% (рис. 2), что полностью укладывается в тенденцию уменьшения доли младшей возрастной группы. Соответственно возрастает доля средней (трудоспособной) возрастной группы коряков (15–55 лет для женщин и 15–65 лет для мужчин): от 54% по переписи 1979 года до 64% по переписи 2010 года. В обследованных нами селах в 2018 году этот показатель еще выше – 67%. Отметим, что у магаданских коряков демографическая ситуация немногим лучше: 63% составляет группа трудоспособного населения и 31% младшая группа (0–14 лет).

Уменьшение доли детей в популяции связано со снижением рождаемости, которое с середины XX века характерно для всех КМНС. Предполагается, что в 1990е годы причиной повсеместного падения рождаемости стал экономический кризис: в 1990 году в Корякском округе родилось 635 детей, в 2000 году в два раза меньше – 310 детей, причем лишь 40% семей имели детей в возрасте до 16 лет и более 70% семей имели одного ребёнка [Тураев, 2019]. В обследованных

нами селах среднее число детей в семье у коряков составило 2,1 ребенка, что несколько ниже, чем у эвенов (2,4 ребенка) и чукчей (2,3 ребенка) в этих же селах.

Брачная структура

Для оценки сохранения и воспроизводства генофонда коряков важнейшим параметром является брачная структура. По данным ЗАГСов число заключаемых браков в Корякском округе резко снижалось – от 420 зарегистрированных браков в 1990 году до 129 браков в 2002 году [Тураев, 2019]. При этом растет число гражданских браков (в Корякском АО свыше 50% [Тураев, 2019]), поэтому мы рассматриваем в качестве «браков» семьи, указанные в похозяйственных книгах, а не записи ЗАГСов.

В Корякском округе число этнически смешанных браков в 2000 году у коряков варьировало по разным селам от 46 до 57% [Тураев, 2019]. В обследованных (в 2018 году) нами популяциях их доля намного выше – 84% межэтнических браков у коряков, из которых основная часть с пришлым населением и лишь 36% браков – с эвенами и чукчами (табл. 4). Согласно критериям популяционной

генетики популяция может поддерживать свое существование и воспроизводство своего генофонда только тогда, когда доля браков между членами популяции превышает 50%. Структура браков позволяет оценить темпы межэтнического смешения, а значит интенсивность проникновения «чужих» генов в генофонд, что приведет в итоге к его необратимой трансформации. Доля моноэтнических браков у коряков составляет лишь 16% (табл. 4), то есть коряки всех трех поселков уже не соответствуют 50% критерию популяции.

Однако так же, как чукчи и эвены, коряки входят в единую популяцию коренного населения севера Камчатки, объединяющую все три коренных народа. У чукчей доля моноэтнических браков (38%) также не достигает 50% популяционного критерия, но доля всех браков между всеми коренными этносами (чукчи, коряки, эвены) составляет три четверти брачной структуры (74%, табл. 4) и потому они образуют единую популяцию коренного населения севера Камчатки [Балановская с соавт., 2020]. Аналогичную ситуацию мы видим и у эвенов – суммарная доля браков с эвенами, коряками и чукчами у них почти столь же велика, как и у чукчей (69%, табл. 4), то есть и они входят в популяцию коренного населения региона. У коряков суммарная доля всех браков с коряками, эвенами и чукчами находится на самом пределе популяционного критерия (52%, табл. 4). Таким образом, коряки тоже входят в общую популяцию коренного населения северо-востока Камчатки. Но их генофонд уже предельно насыщен не только генами чукчей и эвенов, но и генами пришлого (48% браков, табл. 4), преимущественно русского (табл. 1) населения. При этом наблюдается четкое различие между селами и районным центром (Тилички): если в селлах (Ачайваям и Хаилино) коряки заключают 81% браков между коренными этносами (коряки, чукчи, эвены), то в районном центре Тилички доля таких браков лишь 28%. Тем не менее, поскольку наибольшее число браков коряков заключается в районном центре (55%), вклад пришлого населения в генофонд коряков оказывается столь велик. У магаданских коряков во второй половине XX века фиксировался столь же высокий уровень межэтнических браков – 80% [Хаховская Л.Н. Коренное население края во второй половине XX века. Электронный ресурс], как и у олюторских коряков в 2018 году – 84% (табл. 4).

На Камчатке высока доля взрослых мужчин КМНС, никогда не состоявших в браке, за период 2002–2010 годы она возросла с 45 до 50% [Национальный состав ..., 2010]. В обследованных нами селлах северо-востока Камчатки у коряков мужчины

в 2,3 раза реже заключают браки, чем женщины (у эвенов и чукчей эти различия не столь существенны). При этом из 29 мужчин-коряков, состоящих в браке, почти половина (45%) заключили моноэтнический брак, 38% коряков – брак с другими КМНС и только 17% мужчин состоят в браке с представительницами пришлого населения (рис. 3). Для женщин-корячек ситуация прямо противоположная: из 67 корячек, состоящих в браке, лишь 19% заключили моноэтнический брак, 29% – с чукчами и эвенами и больше половины корячек (52%) состоят в браке с представителями пришлого населения. Такая ситуация соответствует литературным данным, указывающим, что женщины КМНС более склонны заключать браки с другими этносами, в то время как мужчины предпочитают моноэтнические браки [Хаховская, 2016]: в обследованных нами селлах северо-востока Камчатки у коряков 81% женщин состоят в межэтнических браках, тогда как доля мужчин, заключающих межэтнические браки почти на треть меньше (55% от 29 браков). У других КМНС северо-востока Камчатки эта тенденция выражена слабее: у эвенов 82% женщин состоят в межэтнических браках, но столь же (78% из 27 браков) велика доля межэтнических браков у мужчин-эвенов; у чукчей лишь половина (51% из 72 браков) женщин состоит в межэтнических браках, и немногим меньше (38% из 56 браков) межэтнических браков у мужчин-чукчей (рис. 3).

Гендерные различия в доле межэтнических браков приводят к различной динамике генофонда по митохондриальной ДНК (наследование по материнской линии) и по Y хромосоме (наследование по отцовской линии). В обследованном нами регионе северо-востока Камчатки для эвенов (где одинакова доля межэтнических браков у мужчин и женщин) будут сходными оценки сохранения исходного генофонда по мтДНК и Y хромосоме; у чукчей (у которых гендерные различия составляют 13%) различия между характеристиками смены генофонда по мтДНК и Y хромосоме будут выражены в два раза слабее, чем у коряков (гендерные различия 26%). Повышенная доля межэтнических браков у женщин приведет к увеличению потока «чуждых» Y хромосом, причем у коряков более половины этого потока составляют Y хромосомы пришлого населения, а у эвенов и чукчей основную часть составят Y хромосомы коренного населения. При этом у всех трех этносов митохондриальный генофонд будет долгие, чем Y хромосома, сохранять память об исходном генофонде КМНС.

Ситуацию утраты исходного генофонда усугубляет тенденция записи детей от межэтнических

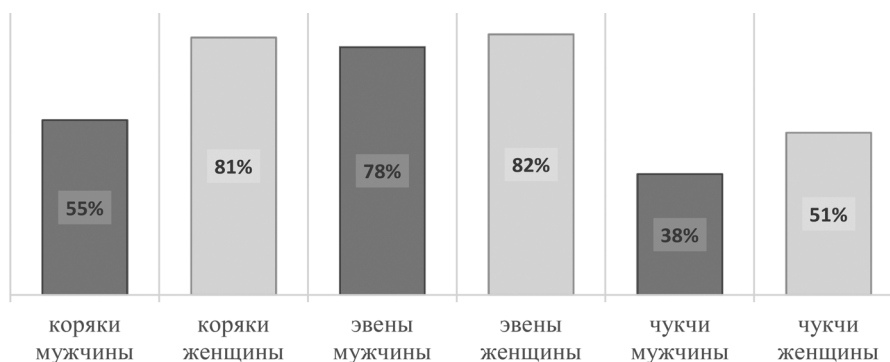

Рисунок 3. Гендерные различия по доле межэтнических браков в брачной структуре коренных малочисленных народов севера (КМНС) трех сел Олюторского района Камчатского края

Figure 3. The gender differences in the percentage of inter-ethnic marriages among indigenous populations of the three settlements of Olyutor district of Kamchatka region

браков как представителей коренного населения, характерная для обеих периферийных групп коряков – и Магаданской области [Хаховская. Коренное население края ... Электронный ресурс], и Камчатки. Поскольку в паспорте этнос теперь не указывается, то запись в похозяйственных книгах является документом, указывающим на этнос индивида в течение его последующей жизни, и обычно соответствует его дальнейшему этническому самосознанию. В обследованных нами популяциях практически все дети от браков с пришлым населением записаны как коренное население: 97% детей от браков коряков с пришлым населением записаны как «коряк»; столько же – 97% детей от браков чукчей с пришлым населением – записаны как «чукча»; и лишь немногим меньше – 87% детей от браков эвенов с пришлым населением записаны как «эвен». И это касается не только браков с пришлым населением: асимметрия в присвоении ребенку этнонима присутствует и в браках между коренным населением: в обследованных нами селах 69% детей от браков коряков с чукчами и эвенами записаны как «коряк», 45% детей от браков чукчей с КМНС записаны как «чукча» и 35% детей от браков эвенов с КМНС записаны как «эвен». Поскольку две трети детей от браков коряков с КМНС записаны как коряки, то их генофонд намного интенсивней сдвигается в сторону других этносов, чем у эвенов и чукчей.

Совместное действие обоих факторов – резкого преобладания межэтнических браков и записи детей от них как коряков – приводит к тому, что генофонд коряков северо-востока Камчатки утрачивает черты исходного коряцкого генофонда и насыщается генами как пришлого славянского

населения, так и чукчей и эвенов (которые в данном регионе также появились относительно недавно).

Заключение

К корякам, проживающим на окраине этнического ареала, полностью относится заключение, сделанное президентом (1997-2013 гг.) Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: «Многие факторы жизни коренных северян обуславливают повышенные риски смертности в трудоспособном и молодом возрасте... Происходят разрушение хозяйственной деятельности, утрата культурной преемственности и языковая ассимиляция, отчуждение от власти, и ощущение невозможности адаптироваться к новой агрессивной социальной среде, резкое снижение физического и духовного здоровья» [Харючи, 2013. Электронный ресурс].

Демографическая ситуация у коряков в обеих периферийных популяциях в целом сходна: старение популяции за счет снижения рождаемости и высокой смертности, замена исходного генофонда в зависимости от этнического окружения – включение генов как других коренных народов, так и пришлого, в основном славянского, населения. Однако эта ситуация – во всяком случае у коряков Камчатки – сложилась недавно, лишь к середине XX века. А с конца XX века наблюдается мощный отток пришлого населения. Например, в 1989 году славянское население в Пенжинском районе Камчатки составляло около 70%, а спустя

двадцать лет в 2009 году уже две трети населения составляли коряки (47%), эвены и чукчи [Краснослободцев, 2009. Электронный ресурс]. Сходная ситуация и в местах компактного проживания коряков Магаданской области: в 1991–2010 гг. уехали почти 70% жителей, в основном пришлое население, и основным населением вновь стали представители КМНС [Хаховская, 2011]. Оба села, в которых проживали коряки (Тополовка и Верхняя Парень) стали «моноэтническим образованием, и это обстоятельство, наряду с другими, было своего рода якорем, удерживавшим корякскую культуру от исчезновения» [Хаховская, 2011]. Если эта тенденция сохранится, то полученные данные о демографической ситуации у коряков, чукчей и эвенов позволят прогнозировать постепенное взаимопроникновение их генофондов. Причем поток генов в генофонды коряков и чукчей ожидается больше, чем в генофонд эвенов, так как дети от браков между коренными малочисленными народами севера чаще записывают своих детей как чукчей и коряков. Поэтому можно ожидать, что именно эвены, а не коряки и чукчи, в наибольшей степени сохранят исходный генофонд.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России при частичной поддержке РФФИ (проект № 17-06-00472_а) и организационной поддержке администрации Камчатского края.

Библиография

- Балановская Е.В., Богоунов Ю.В., Богоунова А.А., Каменщикова Е.Н., Чернышенко Д.Н. с соавт.* Демографическая ситуация в чукотских селениях севера Камчатки // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология, 2020. № 1. С. 87–97. DOI: 10.32521/2074-8132.2020.1.087-097.
- Всероссийская перепись населения 2010 года. Электронный ресурс. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения – 24.06.2020).
- Краснослободцев В.* Демографическое развитие Севера Камчатки или прощайте коряки. Электронный ресурс. URL: <https://mingitau.livejournal.com/88108.html> (дата обращения – 10.07.2020).
- Национальный состав и владение языками, гражданство. Т. 4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Электронный ресурс. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf-m.html (дата обращения – 01.07.2020).
- Тураев В.А.* Социально-демографические процессы у коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1989–2010 гг. // Россия и АТР, 2019. № 2. С. 145–164.
- Харючи С.Н.* VII съезд коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: жизнь, заботы и надежды наших народов. Салехард, 28–29 марта 2013 г. Электронный ресурс. URL: <http://www.raipon.info/about/Doclad.doc.pdf> (дата обращения – 28.07.2020).
- Хаховская Л.Н.* Коренное население края во второй половине XX века. Электронный ресурс. URL: <http://kayur-travel.ru/index.php?newsid=43> (дата обращения – 16.06.2020).
- Хаховская Л.Н.* Коряки села Тополовка: локальное этническое сообщество в контексте истории населенного пункта // Вестник ДВО РАН, 2011. № 1. С. 85–92.
- Хаховская Л.Н.* Гендерный аспект урбанизации коренных народов Магаданской области // Женщина в российском обществе, 2016. № 3 (80). С. 63–72.

Сведения об авторах

- Балановская Елена Владимировна*, д.б.н., профессор, ORCID ID: 0000-0002-3882-8300; balanovska@mail.ru;
- Богоунов Юрий Васильевич*, к.б.н., доцент, ORCID ID: 0000-0001-7643-3660; forbogunov@inbox.ru;
- Богоунова Анна Александровна*, к.б.н., ORCID ID: 0000-0001-9543-1492; ansyach@yandex.ru;
- Каменщикова Евгения Николаевна*, к.п.н., ORCID 0000-0003-1484-0820; mangu_evgenia@mail.ru;
- Пылёв Владимир Юрьевич*, ORCID ID: 0000-0001-9541-8319; freetrust@ya.ru;
- Балановский Олег Павлович*, д.б.н., профессор РАН, ORCID ID: 0000-0003-4218-6889; balanovsky@inbox.ru;
- Лавряшина Мария Борисовна*, д.б.н., профессор, ORCID ID: 0000-0003-1593-0676; lmb2001@mail.ru;
- Бычковская Любовь Сергеевна*, ORCID ID: 0000-0001-8681-2306; buchkovskaya_l@mail.ru.

*Поступила в редакцию 03.08.2020,
принята к публикации 04.08.2020.*

Balanovska E.V.¹⁾, Bogunov Y.V.¹⁾, Bogunova A.A.¹⁾, Kamenshchikova E.N.^{2,1)}, Pylev V.Y.¹⁾,
Bychkovskaya L.S.¹⁾, Balanovsky O.P.^{2,1)}, Lavryashina M.B.^{4,1)}

¹⁾ FSBI «Research Centre for Medical Genetics»,
Moskvorechie st., 1, Moscow, 115522, Russia;

²⁾ The Amur State University of Humanities and Pedagogy,
Kyrova st., 17 (2), Komsomolsk-on-Amur, 681000, Russia;

³⁾ Vavilov Institute of General Genetics, RAS, Gubkina st., 3, GSP-1, Moscow, 119991, Russia;

⁴⁾ Kemerovo State Medical University, Voroshilova st., 22 (a), Kemerovo, 650056, Russia

DEMOGRAPHIC PORTRAIT OF KORYAKS FROM NORTHERN KAMCHATKA

Materials and methods. We have analyzed the demographic structure of the Koryak population residing at the periphery of areas occupied by 3 indigenous ethnic groups: Koryaks, Chukchi and Evens. Demographic parameters (sex, age, family composition, marriage type) were calculated for the Koryaks from 3 settlements in the Olyutor district of Kamchatka region based on household records from 2018. The studied cohort of 2,614 villagers is dominated by the indigenous peoples of the Far East: 27% are Chukchi, 21% are Koryak, and 10% are Even. The non-indigenous population is mostly represented by Russians (37%).

Results. The mean age of the Koryaks inhabiting the northeast Kamchatka (31 years) is only slightly higher than that of the general Koryak population (29 years). This difference is greater for Chukchi and Evens, reaching up to 8–10 years. The sharp imbalance in the sex ratio observed in the Koryak population is caused by the decline in the male population, striking at 35–40 years; in the over 35 age group, there are twice as many women as men ($SR=0.45$), whereas in the under 35 age group, there is an equilibrium ($SR=1.02$). For Koryaks, the population pyramid can be described as constrictive: middle-aged individuals make up two-thirds of the total Koryak population; 92% of Koryaks die before the age of 60. According to the census records, younger age categories were shrinking steadily from 40% in 1979 to 28% in 2010. In the settlements included in this study, younger age categories constitute only 23% of the Koryak population. The sharp prevalence of interethnic marriages (84%) among the Koryak occupying the North of Kamchatka is an important trend. Most of these marriages are with non-indigenous individuals. The majority of children born into such marriages are registered as Koryak.

Conclusion. The sharp prevalence of interethnic marriages and registering children born into such marriages as Koryak produce a cumulative effect, causing the original genetic pool of the Koryak to gradually disappear and get enriched in Slavic, Chukchi and Even genetic components. The detailed comparison with another peripheral population of Koryaks in Magadan region reveals a similar loss of ancient gene pools at the periphery of the historical Koryak area.

Keywords: demography; Koryaks; Evens; Chukchi; Kamchatka; marriage structure

References

Balanovska E.V., Bogunov Y.V., Bogunova A.A., Kamenshchikova E.N., Chernishenko D.N. et al. Demograficheskaja situacija v chukotskih selenijah severa Kamchatki [Demographic situation in Chukchi settlements from North Kamchatka]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin], 2020, 1, pp. 87–97. DOI: 10.32521/2074-8132.2020.1.087-097. (In Russ.).
Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. Accessed 24.06.2020.

Krasnoslobodcev V. Demograficheskoe razvitie Severa Kamchatki ili proshchajte koryaki. Available at: <https://mingitau.livejournal.com/88108.html>. Accessed 10.07.2020.

Nacionalnyj sostav i vladenie yazykami grazhdanstvo [National composition and language proficiency, citizenship]. Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda, Tom 4 [Results of the all-Russian census of 2010, Vol. 4]. Available at: <https://mingitau.livejournal.com/88108.html>. Accessed 01.07.2020.

Turaev V.A. Socialno demograficheskie processy u korennyh malochislennyh narodov Dalnego Vostoka v 1989–2010 gg. [Socio-demographic processes in the indigenous peoples of the

Far East in 1989-2010]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific], 2019, 2, pp. 145–164. DOI 10.24411/1026-8804-2019-10027. (In Russ.).

Haryuchi S.N. (VII sezd korennykh malochislennykh narodov Severa Sibiri i, Dalnego Vostoka Rossijskoj Federacii: zhizn, zaboty i nadezhdy nashih narodov. g. Salekhard, 28-29 marta 2013 g. Available at: <http://www.raipon.info/about/Doclad.doc.pdf>. Accessed 28.07.2020.

Hahovskaya L.N. Korennoe naselenie kraja vo vtoroj polovine XX veka. Available at: <http://kayur-travel.ru/index.php?newsid=43>. Accessed 16.06.2020.

Hahovskaya L.N. Koryaki sela Topolovka: lokalnoe ehnikeskoe soobshchestvo v kontekste istorii naselennogo punkta [Koryak from Topolovka village: local ethnic community in the context of the built-up area history] *Vestnik DVO RAN* [Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences], 2011, 1, pp. 85–92. (In Russ.).

Hahovskaya L.N. Gendernyj aspekt urbanizacii korennykh narodov Magadanskoj oblasti [Gender aspect of the urbanization process of indigenous people in Magadan region]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2016, No 3 (80), pp. 63–72. DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.6. (In Russ.).

Liarskaya E. Women and the tundra: is there a gender shift on Yamal? *Anthropology of East Europe Review*, 2010, 28 (2), pp. 51–84.

Povoroznyuk O., Habeck J., Vate V. Introduction: On the definition, theory, and practice of gender shift in the North of Russia. *Anthropology of East Europe Review*, 2010, 29 (2), pp. 1–37.

Information about Authors

Balanovska Elena Vladimirovna, Doctor of Biology, Professor, ORCID ID: 0000-0002-3882-8300; balanovska@mail.ru;

Bogunov Yury Vasilievich, PhD of Biology, ORCID ID: 0000-0001-7643-3660; forbogunov@inbox.ru;

Bogunova Anna Aleksandrovna, PhD of Biology, ORCID ID: 0000-0001-9543-1492; ansyach@yandex.ru;

Kamenshchikova Evgeniya Nikolaevna, PhD in Pedagogy, ORCID 0000-0003-1484-0820; mangu_evgenia@mail.ru;

Pylev Vladimir Yurievich, ORCID ID: 0000-0001-9541-8319; freetrust@ya.ru;

Bychkovskaya Lubov Sergeevna, ORCID ID: 0000-0001-8681-2306; bychkovskaya_l@mail.ru;

Balanovsky Oleg Pavlovich, Doctor in Biology, Professor RAS, ORCID ID: 0000-0003-4218-6889; balanovsky@inbox.ru;

Lavryashina Marya Borisovna, Doctor of Biology, Professor, ORCID ID: 0000-0003-1593-0676; imb2001@mail.ru.